

Алексей Якубов

**КРИК
ДУШИ**

Алексей Якубов

*КРИК
ДУШИ*

**СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ**

**Израиль
1997**

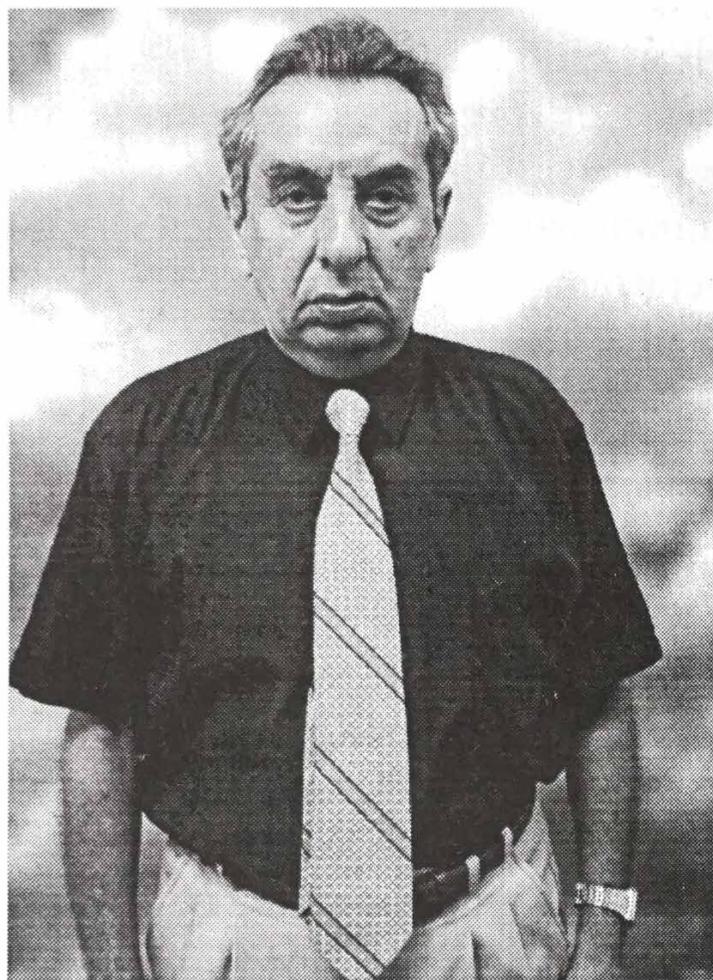
© Все права принадлежат автору

Отпечатано в типографии "Гибор"
Тель-Авив, Дерех Петах-Тиква 72
тел: 03-5616336

Тираж - 1200 экземпляров

Почему еще и еще раз я возвращаюсь к этим стихам, таким простым-простым, немудренным и мудрым? То лаконично изысканны, то неторопливы, доверительны, они пленяют той редкой правдой жизни, которую по крохам выискивает душа. Алексей Якубов горец, пишет на русском и татском, но даже сквозь перевод слышится самобытное, гордое, древнее сердце народа. Не все ровно в технике стиха, но свой поэтический голос звучит уверенно и чисто. Нежная лирическая тональность, философские раздумья, любовь и благодарность за все сущее - вот о чем "Крик души" поэта.

Алла Айзеншарф

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

Несмотря на то, что крайне тяжело писать о себе, оставаясь при этом объективным, начнем с того, что твой покорный слуга, не является профессиональным литератором, и никогда себя таковым не считал. Писал, как говорится, "для души", или "поэт, у которого имени нет". Этому "ремеслу" он учился у самой жизни. Но, не взирая на это, Ты вправе спросить, кто я такой, откуда родом, чем занимался, и как на склоне лет, когда миллионы моих сверстников-пенсионеров думают о хлебе насущном, и более серьезных жизненных проблемах, я, старый чудак, мог докатиться до такой жизни, что стал грешить стихами?

- Ему не так уж плохо, если поет -

подумаешь Ты.

- Да, пою, потому, что не могу иначе - последует мой ответ.

Дело в том, что с юных лет я имею пристрастие к стихам, находя в их певучей прелести отзвуки своих чувств и страданий.

Это выразилось в моих многочисленных стихах, опубликованных в разные годы, и в разных газетах и журналах, которые издавались в бывшем СССР. И, наконец, спустя тридцать лет, после того, как я "заразился" стихами, в 1990 году, в Москве в издательстве "Молодая гвардия", вышел в свет мой первый поэтический сборник "Отчизны неделимы небеса".

Все последующие годы, особенно после выхода на пенсию, когда времени оказалось предостаточно, я полностью отдался своей страсти, но чувствовал, что

надо мной иногда смеются, как над "чокнутым". Особенно это наблюдалось со стороны некоторых, зажавшихся, богатых людей, которым по счастливой случайности удалось нажить кое-какой капитал. Наблюдая за ними, я пытался доказать, что кроме денег есть еще что-то, чему можно посвятить свою жизнь. Лишь узкий круг друзей из числа любителей поэзии и знакомых поэтов, поддерживали мой дух и мое желание писать, утешая тем, что мои стихи им нравятся, и ничего общего с бредом сумашедшего не имеют.

К этой книге, которую ты держишь в руках, я шел очень долго и терпеливо. Она является как бы "визитной карточкой" всей моей жизни.

Я родился в 1929 году в городе Хасавюрте Дагестанской АССР и добросовестно проработал более 50 лет, на-

чав свой трудовой путь от ученика са-
пожника до председателя правления
крупного кооператива по производству
товаров народного потребления.

Так называемая "шоковая терапия",
объявленная 2 января 1992 г., которая
привела к обнищанию миллионов по-
жилых и беспомощных людей, не оста-
вила меня равнодушным. И в марте
1996 года я переехал в Израиль.

Всю свою сознательную жизнь я был
далек от политики. А теперь, после все-
го пережитого понял, что пакостнее и
грязнее ее нет ничего.

Убежден, что 2 января 1992 года будет
помечен в календаре, как черный день
в истории многострадального народа
Российского государства.

Исходя из этого, я решил, не только
как поэт, но и как гражданин, по мере
своих сил и возможностей выразить

свое отношение к этим событиям в стихах, и тем самым, внести какой-то вклад в культурную жизнь русскоязычного населения страны своего обитания.

Так родилась идея, во чтобы-то не стало опубликовать свою книгу "КРИК ДУШИ", представленную на твой праведный суд, мой дорогой читатель! Суди строго, но в тоже время, будь снисходителен. Ведь и в здоровом теле, просматривая через рентген, можно обнаружить немало пятнышек!

А теперь, разреши обратиться к Тебе с но-выми стихами, которые не дают мне покоя, и настойчиво просят на "волю":

Ко мне на склоне лет прозренье
Пришло, как ясный день в ненастье.
Где нет любви, там есть презренье,

А где презренье - там несчастье.

Всю жизнь я вкалывал, как вол,
А за душою ни гроша,
Стихами утешаю боль,
Чтоб не заплакала душа.

Пыл горячий я умерил вроде
И смирился со своей судьбой.
И, в бесшумном городе Сдероте
Век покорно доживаю свой.

И, наконец, приношу искреннюю благодарность за оказанную материальную и моральную поддержку, представителю Министерства абсорбции Израиля в городе Сдероте, господину Игорю Банюку и председателю Всеизраильского Объединения Кавказских евреев, господину Симхе Юсупову. Огромное спаибо моим друзьям по перу,

московским переводчикам многих моих стихов с татского на русский язык - Юрию Уварову и Владимиру Портнову. Не могу не вспомнить добрым словом моих земляков и соотечественников, татских поэтов Амала Кукулиева и Лазаря Амирова. Это они внушили мне в шестидесятых годах, в начале моего пути к поэзии, что я могу на корню загубить свой "талант", если перестану писать стихи. По существу они "виноваты" в том, что вот уже почти сорок лет я занимаюсь этой "белебердой". Большое им за это спасибо!

И последнее. выражаю свою благодарность прекрасной женщине и поэтессе, г-же Алле Айзеншарф, и моей младшей дочери, Якубовой Полине, которые, несмотря на занятость, немало потрудились над моими "кляксами" при подготовке книги к печати.

Завершая свою статью на оптимистической ноте, хочется пожелать большого человеческого счастья всем жителям нашей огромной планеты и сказать:

Дерзай, развея сомнений мрак,
Не бойся трудный путь пройти,
Борись покуда не иссяк
Последний вздох в твоей груди!

С уважением Алексей Якубов

ТЕБЕ

**Путь земной пройдя до середины,
Все ж тебе опять я говорю:
- Ты не верь, что времени седины
Могут тронуть голову мою.**

**Это снег осенних плоскогорий
Холодом посеребрит висок...**

**Это пена рек, летящих к морю,
Это пыль тропинок и дорог,
Тех, что увели меня когда-то
В юности от твоего крыльца.**

**Не напрасно говорят у татов
На меня похожим молодцам:
- Если ту, которая в черкесске,
Ты не взял, богатый стол любя,
То и в шубе из песцов невеста
Никогда не выйдет за тебя.**

- Куй пока железо не остыло,
А остынет на кого пенять?
Навсегда останешься без милой,
Если будешь долго выбирать.
И теперь, когда гляжу с вершины
На беспутно прожитые дни,
Вспомнив о пословицах старинных,
Понимаю, как правы они.

Пролетела молодость, промчала!
Но в тебя, как прежде, я влюблен!
Белый снег кружит над перевалом,
Ветер дует с четырех сторон.

Что сказать охотнику за счастьем
Старым ставшим дедами друзьям?
Если разрываешься на части,
На успех рассчитывать нельзя.

За удачей призрачной гоняясь,
Вот и я остался холостым.

Милая!

Рассмейся, как смеялась,

Или неудачника прости.

Я люблю твой смех, улыбку, руки!

Хочешь - к ним губами припаду!

Снегопады, боли и разлуки

Над горами медленно бредут.

И ЕДУТ ОБРАТНО К СВОИМ ПАЛАЧАМ

Однажды кусок залежалого мыла
Еврейка знакомая мне показала,
На нем по-немецки написано было:
"Изготовлено из еврейского сала".

Сказала, как многих тогда истребили,
Ей снятся кошмары войны по ночам.
Неужто евреи все это забыли
И едут обратно к своим палачам?

ПИСАТЬ СТИХИ Я НАЧАЛ С ТОЙ ПОРЫ ...

Писать стихи я начал с той поры,
Когда отвергла ты мое признание...
Твоим путем я проходил дворы,
Надеясь на заветное свиданье.

И глаз миндалевидных тонкий свет
Ловил я, словно вражий перехватчик.
Но ты с улыбкою сказала "нет",
И я пошел тоской любви охвачен.

Тогда и начал я стихи писать
От боли, от обиды, возмущенья. -
И каждый день был первым днем
творенья.
И я учился помнить и прощать.

* * *

Зачем живу, такой вопрос не мучает
меня
Мой труден путь, но ясен, как вначале,
Я весь отдался поиску огня,
Что не подвластен буре и печали.

Огонь найду быть может поутру.
И подарю его тотчас же людям,
Но, если не дойдя в пути умру,
Мой друг его для вас добудет.

К СУДЬБЕ

**Судьба, не будь ко мне сурова.
По-матерински будь строга,
И я осилю делом, словом
Крутые жизни берега.**

**Когда у пропасти застыну,
И ясно будет виден край,
Ты руку мне подай, как сыну,
И сердце в бездну не толкай.**

**Займись со мной моей ошибкой,
Чтоб стал я смелым ездоком -
Учи меня своей улыбкой,
А не железным кулаком.**

ЦВЕТЫ

Меня прельщает дух цветочный,
А не окраска лепестков,
Я аромат вдыхаю, точно,
Дышу событиями веков,

Которые когда-то были
И не оставили следа,
Они случились, их забыли,
Забыли просто навсегда.

Но их цветы в себя впитали,
Как звезды впитывают взор...
А вы событий дух вдыхали,
В цветах живущий до сих пор?

СЕКУНДА

Она рождается и тут же умирает -
Таков закон извечный на земле,
Секунда за секундой улетает,
Как птицы перелетные во тьме.

Но времени познавший злое бремя,
Я в одиночестве ту истину постиг,
Беречь как счастье нужно наше время.
Ведь и секунда - это жизни миг.

КУСОЧКИ СОЛНЦА

Прячется солнце за горы далекие,
И день торопливо за солнцем шагает.
Как будто бы след оставляя глубокий
Искренний друг от меня убегает.

Хочется света, и в это мгновенье
Лампочек вспыхнули желтые точки,
Кажется ночь осветили весеннюю
Солнца оставшиеся кусочки.

ДОЛГ

Ночь тиха.

Различим каждый звук.

Так, что я сквозь дыхание спящих

Слышу пульсы натруженных рук,

Вижу возраст и лица уставших.

Вот дитя,

Землепашец,

кузнец

Спят под мирно мерцающим небом,

Но за стуком спокойных сердец

Вижу ниву созревшего хлеба.

Слышу тяжкого молота ритм,

Звон серпа ради счастья и мира.

Пусть народ стихотворца простит

За негромко звучащую лиру.

Извини меня пахарь и жнец.

Создающие общее благо.

Не серчай на поэта кузнец,

За бессонную ночь над бумагой.

**Нелегко мне дается строка...
Если только сумею к рассвету
Пропою славу вашим рукам,
Сохранившим для жизни планету.**

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Гордость народа. Бессмертное горло
России.

Все ты оставил стране, навсегда уходя,
Рощи Рязанщины, села. дожди
навесные,
Окна вагона в потоках косого дождя.

Еду к тебе. чтоб Отчизны певцу
поклониться,
Что не увижу - созвучно стихам и
судьбе,
Речки, проселки, поля перезревшей
пшеницы,
Грохот колес или сердца: я еду к тебе.

Горестный мытарь, любовник
безумный и
гений!
Все мы любили и я по веселью чудил,

Но, чтоб стихи прогремели, как
ливень
весенний,
Видимо мне не хватало таланта и сил.

Бог ли не дал, иль мне бледная муза
досталась,

Или с рожденья на строчках печать
немоты?

Где тот родник, где поэта душа
искупалась?...

Может испив из него, исцелюсь от
тщеты.

Траур народный, не горе - земля
голосила,

Тысячи тысяч под гроб подставляли
плечо.

Еду к тебе соловьиное горло России,
Ветер поэзии дышит в лицо горячо.

**Слышу твой голос, озвучивший дали
и выси,
Рядом и в рифму стальные гудят
провода.
Бог златокудрый!, отныне вовеки и
присно
Еду к тебе, чтоб остаться с тобой
навсегда.**

ДОЧЬ МАТЕРИ ПИШЕТ

Дочь матери пишет, что замуж
выходит
И хочет навечно в столице остаться,
Что сердцем она лишь в родимом
народе,
Но видимо реже придется встречаться.

Что счастье нашла она в городе
древнем
/Прописка в Москве не последнее
дело/,
Что жаль расставаться с родней и
деревней,
Но мужу перечить она не посмела.

Что мать беспокоится зря об учебе,
А молодость разве для свадьбы
помеха?

Что юность провинция только
угробит,
Жениться же старой - народу помеха.

Чтоб писем с упреками больше не
слали,
Что повода нет для тревог и волнений.
Пусть вспомнят, к примеру, как
прожили сами,
И не осуждают ее поколенья.

Однажды в Москве оказавшись по
делу,
Я встретил в метро эту шустрюю татку
-
Накрашены брови, слегка располнела
Но взгляд выдавал уже цепкую хватку.

И все ж был ей рад, как-никак, а
землячка.

Узнала, обычай приветствия
вспомнив,
Домой позвала, а бывает иначе -
Пройдут, не взглянув и кивнуть не
изволив.

История выглядит, в общем, банально
Кокетничая, приготовила ужин
В стандартной и тесной дыре
коммунальной,
Как брат был представлен я старому
мужу.

Зачем было врать? - не пойму.
Со стакана вина опьянев, меня
чмокнула в
 щеку,
Поняв, что смущен, приняла за
профана
И стала посмеиваться втихомолку.

О, женщины!, кто вас поймет и
рассудит.

То глазки состроив, улыбкой поманят,
То брови нахмурив, желанье остудят...
Поди разбери, где всерьез, где играют.

Я знал вас, довольно от вас
натерпелся,
Все молоды были, но зрелость
приходит,
И женская ложь, как тумана завеса,
Спадает, и видно, кто за нос нас водит.

Вернемся на землю. Когда мы
остались,
Вдвоем, проводив захмелевшего
мужа,
Она мне, оправдываясь и сбиваясь,
Поведала. что я и сам знал не хуже:

- Земляк!, мне понятно твое

удивленье,
Меня осуждаешь ты верно, быть
может,
Но только войди и в мое положенье:
В столице пожив, дома жить ты не
сможешь.

Что делать?... Экзамены я завалила,
Понравилось здесь, и решила
остаться,
К тому ж - подвернулся с квартирой
мужчина,
Фиктивно женились, лишь бы
прописаться.

Он скоро получит другую
жилплощадь,
А эта достанется ей. Все довольны...
Ну как объяснить этой дуре попроще,
Что не за нее мне так стыдно и
больно.

К чему эта темная цепь махинаций,
Позорящая навсегда человека?
Коль можешь позволить себе
унижаться,
То ты унижаешь достоинство предка.

И честь, что превыше всего было
татам.
На родине нашей все парни красивы.
Там буйство садов и дома, как палаты,
Среди родников. возвращающих
силы.

Зачем обрывать неразрывные связи?
Забывшие край свой - счастливы не
будут!
Забывший. кому ты рождением
обязан,
Не сетуй на то, что тебя позабудут.

ВОТ СОНЕТЫ О ВЕЧНОЙ И СВЕТЛОЙ ЛЮБВИ

Вот сонеты о вечной и светлой любви,
Как родник чистоты небывалой,
Этим строкам столетья, а кажется дни,
Будто гений вчера написал их.

За тобой же два лысых, безликих
стишка

Про Баку и бакинские вышки,
Сколько съели цыплят "табака",
И все это красуется в книжке.

Но подобных годами никто не берет
Мимо пыльного книжного хлама
Равнодушно проходит мой умный
народ,
Только рифм для души, видно, мало.

- Все великие умерли, - клоун сказал
- Вот и мне нездоровится что-то.
И уже рассмеялся весь зрительный
зал,
Хоть смешного не видел никто там.

Это в цирке, а в жизни гораздо
сложней
Вызвать словом улыбку иль горесть.
Чем бездарней поэт, тем упрямей и
злей
Будет верить в свою одаренность...

Вновь читаю Шекспира. Вновь
каждый
сонет
Дышит правдою жизни и болью.
Ты же клоуна в цирке напомнил,
поэт,
Что своим словоблудьем доволен.

**Может, впрямь справедливее клоуном
стать**

**На потеху беспечному люду,
Чем безликие строчки писать,
Про которые тут же забудут?**

ПОДСТРЕКАТЕЛЬ

Подстрекательство, злоба, интриги -
Вот змеинная суть подлеца.

Но в старинной написано книге:
- Подлость чаще всего без лица.

По известной пословице татов:
- Подстрекатель и храм сокрушит.
Вновь погиб без вины виноватый,
А виновный судейство вершит.

Там, где Пушкин споткнулся о пулю,
Там, где Лермонтов смерти в лицо
Заглянул, там опять торжествуя,
Правит балом толпа подлецов.

Что Машук им иль Черная речка.
ти скорбные вехи судьбы?..
Вновь горят поминальные свечи,
Вновь неправда готовит гробы.

Семьи рушатся, души страдают!
Гибнут в распрях добро и любовь.

Подстрекатель на трон восседает,
Льется, льется безвинная кровь.

Сколько можно терпеть нам?
Довольно!
Пусть умру. но в последний свой миг
Подлецу дотянусь я до горла,
Мертвой хваткой вцепившись в
кадык.

СЕСТРЕ

Каждый раз, как сестру я увижу.
Вспоминаю несчастную мать,
Милые! Сколько же испытать
Вам обеим пришлось, чтобы выжить?

Как похожи две ваших судьбы!
Доля женская, лютая, злая!
Две морозных вдовьих звезды
Вам светили, во мраке мерцая.

Озаряя сиротство детей
Бедным светом беды и печали...
Обе рано лишились мужей,
Мать еще до войны, ты - в начале.

Шутка ль - сразу двоих воспитать
Средь войны, голодухи, разрухи,
На колнях готов целовать
Ваши - в шрамах - рабочие руки.

И теперь, когда умный ой внук
Носит имя погибшего мужа,
Не слезая у бабушки с рук,
Улыбаясь живет и не тужит,
Вправе ль я позабыть о былом?
Татки!
Женщины!
Матери!
Вдовы!
Будет вечным родительский дом,
Если будете вы в этом доме.

В ДЕНЬ ПОХОРОН

Помню - в тот день, когда кончилась
юность под звуки
Женского плача - в слободке
представился дед,
Тихо сложив на груди изможденные
руки,
Словно прожив девяносто /без
отдыха/ лет.

Помню отчетливо крики и вопли
соседак,
Бедные, до крови били себя по щекам,
Волосы рвали, как будто все горе и
беды
Им лишь на плечи обрушила смерть
старика.

Дочь его помню, одетую в черное
платье,

Средь голосащих застывшую тихо в
углу...

Если соседок послушать, по древним
понятиям -

Дочка должна причитать, а она - ни гу-гу:

И зазмеился в толпе шепоток

осужденья,

Гул недовольных, язвительный говор
старух:

- Иль ты не татка уже Хайсере по
рожденью,

Если твой разум к обычаям прадедов
глух.

- Что ты не плачешь,

не бьешься,

не воешь от

горя?

Это тебе, а не нам был царем твой
отец,

Там, где соседки наплакали целое море.

Дочь и слезы пожалела...

- Очнись,

наконец!

Можно подумать - ты рада кончине отцовской?

Грустно вздохнув,

Так ответила им Хайсере:

Тот, кто и в горе кичится своим превосходством

Только на людях, не кажется искренним мне.

Разве сравнима беда моя с вашей бедою?

Иль та, что громче заплакала. та и родней?

Вот почему я свой плач уступаю достойным

Соревноваться на громкость в угоду
молве.

А милосердые иль состраданье вечно
живут,

Не завися от сплетен и склок...

Годы прошли, пусть немного осталось
до края

Речь Хайсере до сих пор позабыть я не
смог.

ПАМЯТИ ДРУГА

Не спи поэт, твой труд угоден богу,
А жизнь уже другим принадлежит,
Твой бог - убог, но в комнате убогой
Душа певца с грядущим говорит.

Дерзнувший мыслить, да не отречется,
Но можно ли писать не увидав,
Поля пшеницы под палящим солнцем
Или луга в дыму цветущих трав?

Иль соль и пыль, что разъедает тело,
Когда грохочет по земле страда?
Сумеет разве не познавший дела
Воспеть величье черного труда?

Возможно разве вечное светило
Восславить словом, не отдав другим
Тепло и доброту, любовь и силы,
Голодным хлеб или приют нагим?

Хлебнувший жизни, равнодушен к
славе.

Ежеминутных почестей тщета

Ему чужда, пока во тьме сияют
Свеча труда и чистота листа.

Не спи, поэт! Сжигай себя! И я бы
Хотел, отдав полжизни в пустоту,
Найти свой путь с твоей дорогой рядом,
Держа мечту. как свечку на ветру.

Пусть жжет ладони! Лишь бы сердце
пело

И исторгало песню из груди.

Не спи! Ты перед этим светом белым
За всех в ответе и навек один.

ВСТРЕЧА

Глаза две виноградины.
Таким не надо красок...
Я час глядел обрадованно
В окно билетной кассы.

В окошке - брови черные
В окошке - губы спелые
Вкус, верно, - дело спорное
Но тут. чего поделаешь,
Влюблен!

Сказать здесь нечего...
Вагон уносит вдаль меня
И грустью человечью
Полна душа печальная.
Желание здоровое
Вдруг соскочить на насыпь
Хочу вернуться снова я
К окну билетной кассы.

Такие виноградины
Растут не на делянке.
Такие виноградины -
Глаза моей горянки.

Х Х Х

**Ты встанешь цветком над могилой
моей.**

Неважно, где будет могила моя.

**Ты станешь цветком над могилой
моей.**

Хоть я и покинул родные края.

**Ты встанешь цветком над могилой
моей.**

Любовь моя в землю не может врасти.

**Ты встанешь цветком над могилой
моей -**

**Нам вместе в немыслимом небе
цвести.**

**Ты встанешь цветком над могилой
моей.**

**Но можно ли в землю надежду
зарыть?**

**Ты встанешь цветком над могилой
моей
Затем, что любовь невозможно забыть.**

БЕССМЕРТИЕ

Время такое настанет

Я знаю:

Мир будет чище. просторней,
светлей,

Счастье без счета, без меры,

без края

Станет уделом Отчизны моей.

И не беда, что мой голос не громкий

Не прозвучит в той счастливой стране,

За отдаленных и близких потомков,

За человечество радостно мне.

Счастье мое - в нашем веке

тревожном.

Счастье мое - это солнечный стих.

Это надежда, что стих тот возможно,

Сердца родного народа достиг.

Все мы в надеждах и дерзки, и смелы.
Время стирает с камней имена
Верю, однако, что доброму делу
Долгая вечная жизнь суждена.
Кто его знает... И важно не это...
Так ли уж долго живет соловей!
Важно одно: запевалы - поэты
Служат грядущему песней своей.

ВРЕМЯ ПАМЯТИ

Вспомнил детства приметы. как
ласточек крик,
Точно ветер весенний мне память
вернул.

И очнулся годами молчавший родник,
И петух разбудил довоенный аул.

Это было давно, это было сейчас,
Мяч из тряпок, футбольной атаки
азарт,
Вновь с последних уроков сбежит
первый

класс,

Чтоб на льдинах проплыть через
солнечный

март.

Ноздреватые глыбы ползут по реке,
Под ногами крошится иголками лед.

Брызги, смех и летят журавли
вдалеке...
И кричат, и плакучая ива цветет.

Мама, милая! Стоит ли переживать.
Твой чумазый ребенок еще подрастет
И забросит рогатку и мяч под кровать,
А пока по ветле, обдирая живот,
Лезет к солнцу весь в ссадинах и
синяках,
Где живет меж ветвей воробьиный
народ,
Где с утра, передразнивая петуха,
Говорящий скворец на вершине поет.

Мама! Дай наиграться ему.
Впереди столько горя, что рванная
майка
пустяк
Накорми и утешь, и в постель проводи.

Пусть приснится ему наш тенистый
овраг,
Где проснулся годами молчавший
родник
И напомнил мне первых свиданий
слова...
Не грусти, ты пока далеко не старик
И не вся поседела еще голова.

Это мужество гордо стоит у ворот
Время выйдет и старость предъявит
права,
Но всегда на земле будет жить твой
народ,
Если память жива!
Если память жива!

* * *

Мне кажется день чернее чернил,
Хоть солнце в небе смеется...
Готовы ямы для свежих могил -
И вот - процесс начнется.

Нагрянет, как ад, размеренный град:
Бьют гвозди в крышку гроба.
Я чувствую: это мой день утрат,
Чувствую до озноба.

... Но встрепенусь. И солнцу в глаза
Гляну до слез, до рези.
... Унынию предаваться нельзя,
Я думаю даже в поэзии.

ДВОЕ

Один, услышав гул обвала,
Вдруг чувствует - гора устала
держать снега,

И он не прочь

Горе хоть чем-нибудь помочь.

Другой к обвалу просто

глух,

Не затруднит свой нежный

слух,

Обвал? Ну что ж!

Заткнет он уши,

Чтоб горный зов горы

не слушать.

* * *

Мне в маленьком городе выдалось
жить.

И в память врезалось очень крепко:
Если с соседкой ругалась соседка,
Их дети переставали дружить.

... А если лидеры двух держав
Ругаются меж собою,
То их народы, дружбу поправ,
Идут друг на друга войною.

Один торгош спросил меня цинично:
- Ну пишешь ты стихи... Пиши
отлично.

А стоит ли хоть выделки овчина?
Что платят то тебе за них, мужчина?
Мне б выкрикнуть в ответ. Но я
смолчу.

Я этими стихами ... сам плачу.

* * *

Когда отец твой был в фаворе,
Сгорал от ревности твой друг,
И все боялся он, что вскоре
Тебя просватают, как вдруг...
Отец твой стал пенсионером
И сразу юноша остыл.
Кого ж любил он так безмерно?
Тебя иль должность он любил?

Взобрался ты на пик карьеры,
Надменным стал, как падишах,
Кругом бесплотные химеры,
А ты витаешь в облаках.
С вершины ты свалился скоро
И в прах развеялись мечты.
Не поднимайся больше в гору
Ведь есть опасность высоты.

ШЕСТНАДЦАТЬ РАЗ ПОДРЯД ЖЕНИЛСЯ СИМОН

Шестнадцать раз подряд женился
Симон.

Так жизнь прожил,
А будто проплясал,
Шестнадцать сыновей по всей России,
Как кукушат по гнездам разбросал.
Шестнадцать добрых женщин
опозорил,
Гуляка праздный, ловелас, жуир,
Теперь, состарясь,
Сыновьям на горе,
Разжалобить пытается весь мир.
Грозит судом,
Твердя об узах крови,
Строчит доносы на детей родных,
О том, что силы вместе со здоровьем
Извел вконец,
Воспитывая их.

О том, что видно совесть потеряли -
Совсем забыли старого отца
И что теперь за все его старанья
Он ждет добра, как нищий у крыльца.
Так время шло.
Везде его жалели,
Пока пройдоху суд не раскусил.
Покуда дети от стыда краснели,
Наш проходимец жил, как в масле
сыр.
Жив и сейчас
Но жалостью людскою
Сыновью теплоту не заменить.
Кто жизнь прожив, лишь жалости
достоен,
Наверное, не должен был и жить.

В РОССИИ И ПОСЛЕ

Не верили мне, что я тат,
Что тат - а не еврей.
Мол, нацию скрываешь, брат,
Признайся поскорей.
И хоть стихи писал на татском,
Был в положении дурацком.

На родине евреев я теперь,
О чем мой дед несбыточно мечтал,
Но здесь для всех, хоть верь или не
верь,
Не татом, не евреем - русским стал.

В ИЕРУСАЛИМЕ

Всевышней милостью храним
С приятелем - "аидом"
Приехали в Иерусалим
Я поражен был видом:
Здесь храмы разных вер стоят,
Молящихся не счесть ...
А не они ль потом грешат,
Забыв святых и честь?

ЖЕРТВА ОБЫЧАЯ

Зарбой много раз был женат,
Только жен
Подолгу вниманием не баловал он.
Всегда находилась другая жена,
И брак разрешал награжденный
мулла.
Так жил от развода до свадьбы
Зарбой,
Довольный муллой
И довольный собой...
Вот снова на свадьбе гуляет народ,
Лишь утро:
- Подайте Зарбою развод,
Поскольку бесчестная эта жена
До свадьбы Зарбою была неверна.
Район забурлил,
Сластолюбца кляня,
Немедля к врачам обратилась родня...
Оправдана девушка к чести родных,

Негодным для брака - был признан
жених.

Отцом лишь в мечтах мог быть
хитрый Зарбой,

Но вот как себя оправдал наш герой:

- Обычай велит, мол,

Что муж на жену

Может свою перебросить вину,

Иначе позор...-

Весь аул хохотал:

- Бедняга!

Он жертвой обычая стал.

ОСЕННИЙ РОМАНС

Ореховых аллей
Желтеющие листья,
Жилище сквозняков
Где ненадежен кров.
Люблю тебя любой,
Отчизна птичьих свистов,
Край опустевших гнезд,
страна сырых ветров.
Сквозь шорохи - тропа.
Сосредоточье мыслей,
Спокойный сердца стук,
Неспешные шаги.
Там с каждого листа,
Как серьги капли виснут,
Готовые упасть,
И шепчут - "помоги".
Древесная судьба
Или прощанья слезы?
Чем ближе холода -

Безжалостней ветра.
О, еслиб задержать
Грядущие морозы
Слепящие снега,
Когда земля мертва.
Но это никому
Еще не удавалось...
До той поры, пока
бушует листопад,
Душе моей лететь,
К беде не прикасаясь,
Пока последние
Листы не облетят,
Уйдет пора ветров,
Придет пора ненастья,
Отморосят дожди,
И кроны обнажат
Так, уж никакой,
Пусть самый лучший мастер,
Не в состоянии
Листвы вернуть назад.

Тогда садовник в парк
Придет с метлой и трутом
И желтый шум вершин
В один костер сгребет.
Но, может быть к огню
В последнюю минуту
Похожий на меня
Прохожий подойдет.
Гори, листва!

Твоя
Душа воздушней дыма!
Твоя судьба пропасть,
Как птица в облаках.
Но память о тебе
Вовек неистребима,
Как этот листопад,
Оставшийся в стихах.

х х х

Да, я отстал от сверстников в пути.
теперь я принимаю темп двойной.
Смогу ли вровень с ними я идти?
И будут ли они идти со мной?
Смогу ли все барьеры одолеть?
Не сбавя темпа, и уметь, и сметь?
Не насмешу ли спешкою своей,
Как это было в юности моей?
Не важно, сколько я смогу пройти -
Лишь только бы - на правильном пути.

ДВА ЖЕЛАНИЯ

Заветные два желания
Я чувствовал с ранних годов:
Поэтическое призвание
И денег пьянящий зов.

Наверное стихи я предал
/И грех мой в этом немал/
За двумя я зайцами бегал -
Ни одного не поймал.

Стихи пишу я много лет,
Но боль моей души никто не слышит,
Ведь до сих пор толковой книги нет
и скажет кто: "Так зачем он пишет?"

На сей вопрос ответить не могу,
И сам себе шепчу его порою.
Я б мук таких не пожелел врагу ...
Но с жадностью опять беру перо я.

- Мне не нужно ничего, товарищ,
Вдруг ты и меня потом подаришь.
О таких, как ты, мне друг поведал:
- Все равно, что подарил, что предал.

- Человек!

Что принес в этот мир ты с собой?

- Ничего не принес -

Что возьмешь,

Навсегда уходя ты с собой?

- Ничего не возьму.

Так зачем же всю жизнь ты добро
собирал?

Отвечай на вопрос.

- Думал новый придет,

И все то, что собрал,

Пригодится ему

РОДНОЙ ЯЗЫК

Жизнь идет,
Все чаще стали таты,
Говорить на русском языке,
Что ж,
Я не ищу здесь виноватых,
Ручеек всегда бежит к реке...
Но, когда пересыхает русло,
Значит обессилел и родник
и все чаще мне бывает грустно,
Если из газет и русских книг
Узнаю о новом стихотворце,
Что родился на земле моей,
Неужель наступит час и горцы,
позабудут песни матерей?
неужели то, что с колыбели
Нам дано
Мы вправе потерять?
неужель лишь родинка на теле
Будет нам о них напоминать?

х х х

Мне в награду или в наказание
Две родины достались как в наследство:
В одной родился и провел я детство,
Другая - предков вечное изгнание.

Так довелось израилевым детям -
Как листьям, ветром сорванным с
оливы -
Искать пристанища себе на свете
И знать две родины покуда живы.

Куда бы их судьба не заносила,
Они в себе несут свет созиданья.
В них бьется побудительная сила:
И торговать, и петь, и строить зданья...

Они приносят в жизнь ускоренье,
Их не коснулась времени остуда

Но выпало им вечное презренье:
Мол, знаем вас: Христа продал Иуда.

Но оба ведь они евреи были.
Наверно, это люди позабыли?

И было это много лет назад.
Так в чем же я сегодня виноват?

Ветра вопросов бьют нас неустанно.
И жизнью не хватает для ответа...
Глядишь... я так космополитом стану,
И родиной мне станет вся планета.

К Б...

Ты знаешь, я не стар еще годами,
Но постарел уже на много лет.
Не оттого. что изнурен трудами,
Не от житейских горестей и бед.

Я постарел, обманутый тобою,
За то, что молодость тебе я посвятил,
За то, что волю я утратил над собою,
И что отстал от сверстников в пути.

Как тот алкаш, который жизни бремя
За дешево продал, в разгуле пьян,
Так ты купила молодость и время
За красоту, за лесть и за обман.

Кто должен мне - тем я долги прощаю,
Но вряд ли кредиторы мне простят.
Лишь по одной причине я страдаю:
Я должником не смею умирать.

К МАТЕРИ

Я очень бы хотел, чтоб ты узнала,
Что выбрался твой сын на светлый
путь,
Что полоса лихая миновала,
Что дышит больно, но свободно грудь.

Как я хотел бы, чтобы в этот вечер,
Когда я мучаюсь над искренней
строкой,
Ты тихо подошла и мне на плечи
Легко оперлась сухонькой рукой.

И заглянувши мне в глаза сказала:
- Ну слава богу, дорогой сынок,
Что ты вернулся на родной порог,
Оставляя за спиной возню вокзала.

Оставляя в прошлом перепутий жуть,
И черные желанья, и сомненья.

Ты, наконец, наполнил светом грудь
И посвящаешь мне стихотворенья.

Пиши, сынок, я рада за тебя.
Разгладятся теперь мои морщины.

Я так измучилась, тебя любя,
Растя тебя без мужа, без мужчины.

Я понимаю, ты хотел, сынок,
Для нас с тобою заработать денег,
Крутился в мире бизнеса, как мог,
Но бедным ты остался в самом деле.

Нет, не хватало хитрости тебе:
Тех обмануть, а этим сунуть взятки.
И как на платье, на твоей судьбе,
Увы, пестрят тюремные заплатки.

В мир, что богат разгулом и тюрьмой,
Ушел ты безрассудно, без оглядки.

И не слышал слабый голос мой:
"С законом не играй, сыночек, в
прятки".

Тот мир, куда ты шел, где изнемог,
Не терпит душ и мыслей раздвоенье -
Он забирает все. И он жесток,
Не вообще, а каждое мгновенье.

Ты понял, что тот мир не для тебя.
Но если б понял это чуть пораньше -
От горя уберег бы ты меня,
Ну а себя бы уберег от фальши.

Ты для другого был сынок рожден.
Когда ты был еще совсем ребенком,
Заезжий композитор удивлен
Был музыкальным слухом твоим
тонким.

Зачем услышал ты не сердца зов,
А зов компаний грязи и наживы?
Зачем нам деньги? - Мы ведь из низов,
Нам хватит малого: лишь были б
живы.

Я рада, что строка тебя зовет.
Пиши, сынок, мешать тебе не буду.
Я постою тихонечко ...
И вот
Пойду теперь, сынок, помыть посуду.

- О, мама, вся душа моя - в крови
От нежных слов твоих и ласки
беззаветной.

Но нет тебя - зови иль не зови -
Лишь голос твой мне слышится
заветный.

Я в молодости был горяч и глуп;
Казалось, что вернусь к тебе богатым -

И встречусь я с улыбкой твоих губ...
А вышло, что вернулся виноватым.

И не загладить мне своей вины,
Ни строчкой поздней, ни прозревшим
сердцем.

В пустом пространстве навсегда видны
Картины, от каких не отвертеться.

Вот зал суда и первый приговор.
Твой крик вдруг взвился и осекся
разом:

"Мой сын не вор! Не вор мой сын, не
вор!"

Да может ли не помутиться разум...

Я думал, что еще верну долги:
Сыновий долг любви и долг заботы.
О, мама, если можешь, помоги:
Дождись меня. Не уходи до срока.

...Я навсегда остался должником.
По молодости думать ли могли мы...
Чужие люди
Глиной и песком
Засыпят долг мой в маминой могиле.
Теперь я стал ровесником твоим.
К живой вернуться не хватило силы...
Так непривычно нам с тобой двоим
В оградке тесной у твоей могилы.

Еще я жив. Наедине с тобой
В твоём последнем глинистом жилище
Твой блудный сын с тоскою и мольбой
Твое прощенье бесполезно ищет.

ГЕРЦЕНУ

Памяти Ивы

Не унывай, мой друг, не унывай.
Ведь нам не нова боль разлук!
Дай волю чувствам и гуляй!,
Быть может легче станет вдруг.

Свой долг отца и мужа ты,
Достойно выполнил мой друг,
И честь не осквернил в пути,
Все остальное бред вокруг.

Людская жадность беспредельна,
Ее не утолишь никак,
А нам бы хоть еженедельно
Сходить в знакомый наш кабак.

Не унывай, мой друг, не унывай,
Ведь нам не нова боль разлук!
Дай волю чувствам и гуляй!,
Быть может легче станет вдруг.

ДЕНЬГИ

**Без них нет жизни говорят,
А их и звери не едят,
А чтоб иметь их и потратить,
Трудом и кровью люди платят.**

3

Если крылата душа у мужчины -
Он достигнет горной вершины.
Если же он из породы бескрылых -
Выше себя он подняться не в силах.

4

Рука коснулась вещей струн -
И полетел стрелой табун
Вдруг лопнула одна струна
И вмиг не стало табуна.

5

Кого считаю подлецом? -
Отец ответил сыну. -
Того, кто норовит свинцом
Попасть другому в спину.

6

Был шах Аббас гаремом окружен.
Я не завидую обилью гурий,
Вся красота его двух тысяч жен
В твоих, любимая, челе, фигуре.

7

Хотела выйти за поэта,
Его во всю хвалила дар,
Но почему вдруг чувство это
Убил ничтожный гонорар?

8

Сквозь кровь и муки, скорбь и беды
Ромео шел, любя Джульету.
А ты возлюбленную предал,
Поверив подлому навету!

9

Склонись над каменной плитою,
Забудь свою печаль и боль,
Она покажется тщетою
У входа в смертную юдоль.

10

Как много в жизни у меня разлук,
Сегодня вдаль ушел мой друг,
Быть может завтра очередь моя,
Отправиться в далекие края?

11

Покуда справедливые решают,
Как поступить разумней и верней...
Бесчестные все на пути сметают
В угоду алчной корысти своей.

12

Я годы юности не мог считать.
Теперь я спохватился - да их нет.
И я боюсь: а вдруг остатка лет
Не хватит, чтоб растрату наверстать.

13

Я с болью часто думаю о том,
За что евреев презирали, били,
Мне кажется беда евреев в том,
Они друг друга тоже не любили.

14

Когда стремятся обласкать,
Когда везде хвалить начнут,
Непросто людям доказать,
Что их морочит ловкий плут.

15

Видно, я просто страдаю склерозом,
Что-то странное с памятью стало моей:
Я пристал по ошибке к какой-то там
Розе...
Спутал чужую жену со своей.

16

Всех людей жалею,
Сердце теребя ...
Но никак не смею
Полюбить себя.

17

Перед грядущей сединой не струшу,
Шагаю ей навстречу смело,
Но с каждым шагом сердце бьется глуше
И все быстрее слабеет мое тело.

18

Вот судный день! огонь не меркнет,
мы режем кур для ритуала.

Я и себя принес бы в жертву, -

Ах, если б людям легче стало.

19

Азиаты и южане -

Плов едят они руками.

И говорят на этот счет:

"Пять пальцев не кладите в рот".

20

Когда беда случалось где-то,

То плохо было всем при этом.

Но, если там евреи жили -

Во всех несчастьях их винули.

21

Все люди - дети одного творца,
Но кто-то натравил их друг на друга.
В зародыше убить бы подлеца,
Чтоб человечеству он не принес недуга.

22

Когда стихи я стал писать,
Мне кажется, я стал добрей,
Готов за бедных пострадать,
Как благодетельный еврей.

23

Дерзай, развей сомнений мрак,
Не бойся трудный путь пройти,
Борись покуда не иссяк
Последний вздох в твоей груди.

**Хоть на русском, на иврите,
Говорите, но не врите,
Не гоните дурака,
Нет плохого языка!**

Обращение к президенту России
Б.Н. Ельцину

*Как холодно, как будто бы в
квартире,
Которую веками не мыли, не
мели,
Какую-то хреновину в этом
мире
Большевики нарочно завели.
Сергей Есенин.*

1918 год.

КРИК ДУШИ
(поэма)

Президент Росии Ельцин.
Мрак все гуще над страной.
И вопрос мне давит сердце:
Что вы сделали со мной?

Этим болевым вопросом
Переполнены сердца.

Всех оставили вы "с носом",
Разорили до конца.

Разорили наши души,
Семьи, школы и мечты.
Коль вас натошак послушать,
То уже не надо кушать -
Обещаньями сыты.

Как мы жили, что прожили,
Голод, холод, лагеря,
Как фашистов победили -
Помним это мы не зря.

Было гордо. Было страшно.
Был за всеми глаз да глаз.
Как в последний рукопашный,
Мы пошли, поверя в вас.

Рвались к власти вы умело,
Демократией дразня,

Говорили дерзко. смело -
Одурачили меня.

Вас поддерживал народ
Криками "Ура! Вперед!"
И не думал он, конечно,
Что в стране - переворот.

Власть всегда идет по трупам -
Как на переправе вброд.
Может, я был слишком глупым? -
Так ведь выбрал вас народ.

Славно в Беловежской пуще
Сообразили на троих.
Сеть интриг плели все гуще
Для чужих и для ... своих.

Задурили, ослепили...
С коммунистами в борьбе

**Вы державу оскопили,
Бросив под ноги себе.**

**И прославились вы битвой
С Горбачевым - "баш на баш"
Партбилет отпел молитвой,
Вы тянули "Отче наш".**

**Перестройка, переделка, перестрелка -
Все садом.**

**Преступленья иль безделка? -
Расстреляли Белый дом.**

**С выси ваших "достижений"
Мысленно смотрю назад:**

**Без ума, без сожалений
Погубили виноград.**

Деятель такой же скорый
На решенья и дела
Порешил, что пьянство с корнем
Вырвет. выжжет он дотла.

С алкоголем воевали,
Приняли "сухой" закон.
Раньше мы вино пивали,
А потом - лишь самогон.

Авторов закона в вашей
выгнали. Но как тут быть?
Виноградники все наши
Мы успели погубить.
Ну а те, кто пили раньше,
Стали еще больше гить.

Заглянув за Горбачева,
Через Брежневскую муть
Доберемся до Хрущева.
Чтоб осмыслить длинный путь.

Воздадим ему за смелость,
За разоблачений тьму.
... И вздохнулось. И запелось.
И поверилось ему.

Но у беры век короткий...
Он решился повелеть
Всем селянам по коровке
Только по одной иметь.

Ну и что? Под нож буренок -
Чтоб налогов не платить...
Правда, разрешил куренок
Да утятей разводять.

И плодовые деревья
Он решил пересчитать.
И заплакала деревня:
Лишние уничтожать.

По два дерева на душу,
А за перебор - налог.
И рубил мужик послушно
То, что от невзгод сберег.

О, генсекова забота -
В бедности всех уравнивать,
Чтобы кто-то на кого-то
Не хотел бы настучать,
Чтобы зависть не разъела
Пролетарские сердца,
Чтоб без дела не сидела
Даже старость до конца.
Чтоб кому-то, не дай боже,
Удалось нажать горбом
Свой достаток. Лезь из кожи -
Коммунизм будет потом.

А пока /мол, знайте наших/,
сняв генсековский башмак,

Он в ООН, как злой папаша,
По столу стучал чудак.

Всех бестактность возмутила.
Лишь ему все нипочем.
А потом страна платила
Штраф позором и рублем.

Правда, он сумел при этом
Приподнять престиж страны:
США догнали по ракетам.
Но скажу здесь нет секрета,
Что у большинства при этом
Были дранные штаны.

Был он крут и самодурен.
Очень много говорил.
И однажды, видно с дури,
Крым Украине подарил.

А в ЦеКовском кегельбане
Назревал большой скандал:
Там генсека, словно в бане,
Вениками отдолбали,
Чтоб в отставку он подал.

Заступил на смену Брежнев,
Мудрый как апофегизм,
Эллегантно и небрежно
Дал народу афоризм:

"Экономика должна быть экономной".

И в угодническом раже,
До абсурда доведя,
Экономии мы даже
И ... без ведома вождя.
Байку расскажу такую -
Как рассказывал сосед.
Говорил он: "Я толкую,
На излишества - запрет.

Не плоды детишек много:
Будет трудно прокормить
Ведь с продуктами-то строго.
Надо экономно жить.

От вождя к вождю шагали.
Этот - лысый, тот - броваст.
И усатых мы знавали.
А один вообще - чубайст.

А премьер мрачнее тучи
Заявляет без стыда:
"Сделать я хотел, как лучше.
Ну а вышло как всегда."

Как всегда за счет народа ...
Хоть богатый урожай,

Хоть в годину недорода
У чиновных - каравай.

Полна чаша. Да и в банке -
Круглый счет - как черный кот.
А народ хоть до изнанки
Вывернись - не поможет.

"МММ", "Тибеты", "Чары"
Выкрали последний грош.
Митингуем: тары-бары...
Только деньги - фиг вернешь.

Что упало, то пропало...
Латки фракций теребя,
Констикущее одеяло
В Думе тянут на себя.

Замечательная Дума:
Вор на воре в ней сидят.
Жаль, что Думе нечем думать:
Перепутан верх и зад.

Впрочем, что роптать на Думу.
Раньше правил всем ЦК.
И народу ту же дулю
Показал на дурака.

Жировали, как хотели.
/А от воровства вспотели/.
А у нас всех в самом деле -
Еле-еле душа в теле.

Доведенные до края
За фабричную стеной
Люди изощренно крали,
Обманув на проходной.

Пронесли творог, мясо,
Ситец, гвозди и штаны.
Где бы не трудились - в массе
Люди были "несуны".

От зарплаты до зарплаты
Кое-как могли тянуть.
А поймают - жди расплаты:
"Лямочку в тюрьме тянуть".

А начальники уж вроде
Воровство в закон ввели:
Ведь в тюрьму не "замели"
Пирамидчика Мавроди.

Тут случилась, брат, умора...
"Умом

Россию не понять".

Обварованные

вора

Стали в Думу избирать.

Поздравляю пролетарий:
Что посеял - то и жать:
Вор теперь парламентарий,
Не ча митинги орать.

**Покупай себе свободу
Оптом, в розницу, в разнос.
Таксу лишь узнай и сходу
Взятку сунь - и весь вопрос.**

**Открывай палатки, банки.
За бесценок все скупай.
Пароходы и вагранки
За границу продавай.**

**В банках Лондона и Берна
Свой упрочишь капитал.
И забудешь ведь, наверно,
Что Россию обокрал.**

**Впрочем, мой читатель верный,
Этот путь ведь не для нас.
Не разъела еще скверна
Истинный рабочий класс.**

Ждет он, мускулом играя,
У станка, и в шахте ждет...
/Обещаниями рая
Уж никто не проведет/.
Не какой-то там подачки,
Словно косточку собачке
Человек работы ждет.
Может, президент поймет?

Может быть, поймут чинуши?..
Но закрыв глаза и уши,
Они прячутся от бед
Обещаньями побед.

Вы, высокое начальство -
Краснобай-мастера,
Хватит чванства и нахальства.
Отвечать пришла пора.
Как жить людям без зарплаты?
Как им не платить за труд?

Вы, кремлевские палаты,
Бормоча "не виноваты",
Помните: ведь вас сметут.

Хоть и на руку нечисты,
Хоть грехов не отмалить
Но как прежде коммунисты
Рвутся по-руко-водитьь.

И сказать тут надо честно,
Их поддержат повсеместно.
Трудно ли народ поднять,
Если людям не что жрать?
Ободравши всех как липку,
Власть сама-то стала хлипкой.

Доморощенны Гавроши
В переулках и метро

Попрошайничают гроши,
Глядя хищно и хитро.

Выпросит или ... ограбит
В темном закутке двора...
Демократию ославит
Наша чудо-детвора.

Что же, голод - злая штука
И на многое толкнет...
Да еще война-подлюка
То ль обрубит, то ль убьет.

И швырнет за край дороги:
Мол, солдат не пропадет...
И сидит солдат безногий,
Чьей-то милостыни ждет.

Весь изранен и контужен,
Слава Богу не убит,
Никому теперь не нужен
Бывший воин... инвалид.

Не привык в бою он драпать,
Хоть не знал, за что сей бой.
Что ж теперь ему на Запад
С искалеченной судьбой?

Может, там его пригреют?
Там за храбрость воздадут?..
Зерна гнева долго зреют,
Колос гнева быстро жнут.

Президент наш всенародный,
Кровь не снится по ночам?
Вопрошает люд голодный:
"Кто войну в Чечне начал?"

Кто списать все наши беды
Хочет на войну в Чечне?
Преступление победы
Мужа не вернет жене.
Ноги не вернуть калеке,
Пуль в стволы не возвратить.

Даже и в грядущем веке
Ненависти не избыть.

Что Чечня? От дома к дому
стало страшно уж ходить:

Ведь по поводу любому
Могут запросто убить.

В повседневном беспределе
Жизнь отнять у нас легко.

Все мы ходим на прицеле,
Хоть не знаем у кого.

И от страха замирая,
Ходят дети и жена.
демократия такая
Мне и на хрен не нужна.

Все орут в неразберихе.
Каждый требует ответ...
Президент, ведь Вы в Барвихе
Не упрячитесь от бед.

Даже если и больны
/Печень или сердце/
Все равно для всей страны
Президент Вы -Ельцин.

Не удастся отсидеться,

Не удастся промолчать.
Кто бы что ни сделал,
Ельцин
Ельцин будет отвечать.

*Если прошлое стреляло в меня
из пулемета, будущее
выстрелит из пушки.*

Народный поэт Дагестана

Абуталиб Гафуров

Чтобы жизнь спасти больному

Донор кровь уже сдает...

Но сегодня по-иному,

По-иному, без затей

Мать на крайнее идет,

Чтобы прокормить детей.

Чтобы прокормить детей

Есть последний из путей:

Кровь, кровь, кровь свою отдать,

Чтобы детям хлеба дать.

Это страшно, но понятно.

А скажите, господа,

Вы ж Россию не бесплатно

Раскидали кто куда?

Раскидали, распродали
Растрянжирили в гульбе.

То ли все в аренду сдали,
То ли хапнули себе...

И балдеют на Канарах
Где-то в праздной кутерьме.
Но ведь место им на нарах:
должен вор сидеть в тюрьме.

Все обманно и продажно.
Где тут вор, где демократ?
Было страшно. Стало страшно.
Кто-то - в горе. Кто-то - рад.

И несу я груз сомнений.
И смиряю словом злость:

Ни одно из поколений
Без войны не обошлось.

Лжи елей нам лили в уши:
В мире. мол, страна живет.
Ну а что "Свободу" глушит -
Так за то, что она врет.

Но искали мы "Свободу"
В тонком волоске волны:
Открывалась в ней народу
Правда мира и ... войны.

И была на кухне с нами,
Где слова порой крепки,
Правда о войне в Вьетнаме
И в Корее. и в Ливане,
Где за что, не зная сами,
Гибли наши земляки.

Власть не терпит сердобольных,
Ей слюнтяи не нужны...
Многие из недовольных
Уезжают из страны.

Уезжают те и эти...
Невостребованных - жуть.
Едут взрослые и дети
За кордон куда-нибудь.

Кто ограблен и кто грабит,
Норовят уехать прочь.
Беспредел строною правит:
Без защиты уж невмочь.

Но зато среди начальства,
Как чесотка - вечный зуд.
С незавидным постоянством
Подают "про между пьянства"
Друг на друга дело в суд:

Хоть грехов у них не счесть -
Защищают свою честь.

Это просто клоунада.
Их в тюрьму сажать бы надо:
Растревожат весь народ,
В душах сделают разброд,
Нашумят о компромате.
А потом вот - здрасте-нате.
Вынесет решение суд:
Извененья принесут:
И уже, мол, вор - не вор,
Мол, погорячились оба ...
Очень странный приговор:
Не решение - а стыдоба.

Разберитесь вы с командой,
Дорогой наш президент.
То ль с командой, то ли с бандой -
Дайте нам прямой ответ.
... А была страна большая.

**А была страна дружна.
... Демократия такая
Мне и на хрен не нужна.**

Толпа непременно уважает того, кто над ней возвышается, независимо от того. какими средствами он этого добивается

Оноре де Бальзак

Честно я скажу и строго,
Уж наверно, хватит ныть.
Недостатков очень много.
Но ведь жизнь - это дорога,
А в пути все может быть.

Я хочу, чтоб был порядок
В душах, в обществе, во всем.
А вопрос стоит ребром:
Надо мир спасать добром.
Зло рождает беспорядок.

Я хочу. чтоб жили дружно
Люди в счастье и в беде,

Чтобы всем нам стало нужно -
Большее. чем вкус к еде.

Чтоб с Россией так был связан -
И узла не разрубить:

"Пусть поэтом не обязан,
Гражданином должен быть."

Чтобы истина простая
стала нормой для страны.
Чтоб от края и до края
Пред законами равны
Были вождь и обыватель,
Президент и избиратель,
И писатель, и читатель -
Пред Законом - все равны.

Чтоб сосед мой был богаче
И доволен был вполне,

Чтоб успеха и удачи
Пожелал он также мне.

Не хочу я, чтобы врали
И желаю от души,
Чтоб людей не убивали
За богатство и... гроши.

Чтоб будист и христианин,
Мумульманин, иудей

Не был бы враждою ранен
И убит из-за идей.

Разве под просторным небом
Не хватает места нам?
Иль не знаем вкуса хлеба
Со слезами пополам?

Что там небо? Тесно в думе.
Об импичменте орут.

Коммунистов больше в сумме -
Чуть не так - они сожрут.

Очень тяжело власти бремя.
А года берут свое.
Президент наш, может - время?..
Вишь, кружится воронье.

Сердце барахлит с устатку,
Как изношенный мотор.
Может, вовремя - в отставку?
Ведь усталость - не позор.

Знаю, больно за отчизну,
Предстоит ей долгий путь.
Вы спасли от коммунизма -
И пора бы отдохнуть.

Знаю я не понаслышке,
Ведь ровесник вы со мной:

Тяжко тянет пожилой
Да к тому ж еще больной.
Что не груз -
То перегруз,
Что не груз - уже излишки.

Молодых, толковых, бравых
Предостаточно людей.
Может быть на переправе
Поменять нам лошадей?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я задел больную тему
Ничего не скажешь тут

Замахнуться на систему
Может только баламут.

Что ж, простите. От обиды
Стал я бешеным, как зверь.
Вместо вкусного обеда
Гласность мы "едим" теперь.

А ее нам вдоволь дали:
"Ешьте! Жрите!" - "Не хочу!"
Как бы в жизни не страдали
Не гоните только чушь.

Не берите грех на душу,
Ведь грехов и так полно,
Слово заменяет пищу,
Если доброе оно.

Вот и я позволил гласно
Выплеснуть наружу боль.
Дай-то бог, чтоб не напрасно.
Друг, понять меня изволь...

И прошу от безысходу
Водкой грусть не заливать.
"Нету ходу параходу" -
Не на речку же пенять.

Не спасайся "селявизмом".
"Се ля ви" - как раз в тебе.
С повсеместным сволочизмом
Всем нам надо быть в борьбе.

...Что ж пора поставить точку.
Так волнительно в груди,
Что слова не лезут в строчку.
Многоточье впереди...

Июль 1996 г.

СОРОК ЛЕТ ОНИ ЗА МНОЙ СЛЕДИЛИ

(поэма)

Как надоели эти вышки мне
и проволокой окутанный забор,
И перезвон оружия в тишине,
И матерный конвойный разговор.

Казалось мне, навеки их забуду,
Когда вернусь из лагеря домой.
Но тот кошмар преследовал повсюду
И гнались сноведения за мной.

Родился я под светлым небом мая,
Сияли звезды счастья в вышине:
Но в том году все на пути сметая,
Шла кол-лек-ти-виза-ция в стране.

И довелось мне на пути своем
Испытывать падения и взлеты,

Тюрьма мне стала, как родимый дом,
Да и в других бывал я переплетах.

Но Бог помог: я повстречал людей,
Которые поверили мне смело,
И полон светлых радужных идей
Я начал честно делать свое дело.

Но как за мной следили бедолаги:
Куда ни ступишь - и повсюду мент.
Ведь я для них был парень из тюрьги -
А значит - ненадежный элемент.

И я рванул от них куда подальше,
Куда б они не сунули свой нос.
И стал трудиться честно и без фальши,
Попав в отсталый маленький колхоз.

Косил я травы, строил клуб и бани,
Учился в ВУЗе и ковал коня.

И так случилось, что односельчане
Избрали председателем меня.

И я был горд. И так дела наладил,
Что улучшалась жизнь день ото дня.
Но завистью исполненные "дяди"
Все выяснить решили про меня.

Кто я такой? Откуда я приехал?
И вот, дознались, что сидел в тюрьме.
А значит - светлой жизни я - помеха,
И доверять нельзя, конечно, мне.

Проверка за проверкой наплывала,
Искали, что украл и спрятал где.
И обыскав, придумали немало,
Сварганя дело в областном суде.

Похоже, началась вторая серия
Моих невзгод и моего мытарства.

За что? За то, что не внушил доверия
Кому-то из районного начальства.

В квартире расшвыряли одеяла,
Залезли за софу и под софу.
И хоть не отыскали криминала,
Пришили крепко "пятую" графу.

Я возмущался: можно ли за это?
Что татом довелось родиться мне?
Судья мне выдал под большим
секретом:
Всего два года посидишь в тюрьме.

- За что?

- За то, что в деле был халатным.

/Халатность можно ведь всегда найти/

И помни: разговор наш был
приватным.

Его забудь. Язык свой проглоти.

Я бросился стучать в большие двери,
Высокое начальство теребил.
Наивный мальчик, конченный дебил
Во что, в кого пытался верить?

Писал я письма: может кто-нибудь
Откликнется на них живой душой?
Но был у писем бумерангов путь,
В порочном круге не отыщешь суть:
Кто виноват - тем письма отсылали.
А как потом разделаться со сной,
Чиновники заранее уж знали.

И не сумел я правду отыскать.
Но кляузником все меня прозвали.
так... - то ли ты сумел обворовать -
То ли тебя другие обокрали.
Не важно:
Ты замешан в воровстве -
Как уличен в поскуднейшем родстве...

И наконец, бороться я устал.
Зато для них я кляузником стал.

И на суде за кляузы корили.
Потом меня под стражей проводили...
Сказали: не волнуйся - "детский срок" -
Другим, мол, в назидание урок.

И начался этап: вокзал ночной,
Конвой оружием бряцает за спиной,
Решетками задраенный вагон...
Один, другой - и целый эшелон.
Стучит состав на стыках тяжело.
Эх, лето мое снегом замело.

Пятьсот веселым поезд тот прозвали.
Вагоны, словно хлев, мы - как скот.
Нам пайку хлеба с хлебовом давали -
От государственных щедрот.

Везли нас на секретную работу.
Оставляя волю, матерей и дом,
Познав на деле "партии заботу",
Мы строили проклятый Волго-Дон.

Ах, Волго-Дон, большая стройка века
Секретный стратегический объект.
Даже подписку брали с человек
Не разглашать строительства секрет.

А прорва стройки требует рабочих.
Суды сажают, поезда везут
Колхозников и летчиков, и прочих...
Ударно трудится советский суд.

И зеки в благодарность за "заботу",
Учтя иде-логический момент,
Попутно еще делали работу:
Вождю они воздвигли монумент.
Он из воды торчит - старались зеки -
Как идол. И таращит свои зенки.

И я таращусь: в память пялю взгляд
И взором медленным иду назад.
В мой первый срок мне было только
двадцать.
Что вынес из тюрьмы из всех грехов?
Чужою болью стал я заражаться,
И вынес вот... тетрабочку стихов.

Едва успел тогда домой приехать,
Еще в ушах шумел тюремный ад,
Но дома меня ждала, вот потеха,
Повестка в окружной военкомат.

И хоть для грусти и была причина,
Но я повестку принял молодцом.
...А в армии ждала уж дедовщина
И выбор: стать бойцом иль подлецом.

Меня учили либезить, лукавить
И перед слабым силу проявлять,

Кого прославить, а кого - ославить,
Вон тех возвысить, этих - подавлять.

Я понял, что не надо торопиться,
Что я, как хищник, должен выжидать.
Коль без начальства - можно и
напиться,
Коли с начальством - надо угождать.

Конечно, знал я, что за взятку судят,
Что очень плохо воровать и врать.
Но на примере очень многих судеб
Я видел: взятки не опасно брать.

Конечно, не опасно,
Если ясно,
Что тот, кто дал,
Не выдаст тех, кто взял.
В законе ведь прописано прекрасно:
В поступке тех и этих - криминал.

И кто же самого себя заложит?
А третий сунуться туда не может.
И взятки пышным цветом расцветали.
Не брал лишь тот, кому их не давали.
И нынче пышно сей порок цветет:
Кто из чиновных взяток не берет?..

Их и не судят. Если нужно только
Чиновный стул другому передать,
То взяточник, как правдолюбец, стойко
Другого взяточника будет осуждать.

Я знаю это все не по наслышке.
Одним - всегда хвала, другим - хула.
И в грязь лицом так тыкали парнишку,
Что рано поседела голова.

Принес однажды я стихи в газету
К писателю Бахшиеву Миши.
Он посмотрел:

- В тюрьме сидеть поэту?!
Про справедливость лучше не пиши.
Писатель должен быть морально
чистым,
Чтобы иметь права учить других.
Что может дать примерным
коммунистам
Твой опозоренный тюрьмою стих?..

Уж лучше ты пиши про то, как строим
Про то, как собираем урожай.
Но ... несколько стихов твоих
пристроим.
Иди и публикаций поджидай.
Но о морали лучше не пиши, -
Сказал мне вслед писатель Б.Миши.

Я шел, и мне хотелось волком выть
Я понял: здесь такие же заперты...

Сор из избы не могут выносить
Не только журналисты, но... поэты.

Я заикнулся: "Ленин ведь учил... "
Так на меня взглянули, что осекся:
- Ему бы следовало - в тюрьму не угодил.
Ишь, правдолюбец! Ты еще не спекся?!

И я представил: Ленин бы затеял
Ту революцию сегодня учинить -
Не получилась бы его затея -
Замордовали б. И могли б убить.

Как он велел убить семью царя.
А царь ведь не убил его... и зря?

Прости, читатель, отступил от темы.
Что толковать о прошлом так и сяк.
Здоровый дух иссяк в избитом теле.
Признаемся: уже давно не те мы:
Запас доверия к властям иссяк.

Мне надоело тыкаться в капканы.
Одним все можно, а другим - нельзя.

Сексотство, лизоблюдство и обманы...
Да и еще продажные друзья.

Ну сколько можно? Хватит. Надоело
В паучьей сети тщетно трепетать.
И я решился на такое дело...
Вобщем, решил в Израиль уезжать.

...Теперь живу в израилевых землях.
И вот обетованная страна
Моей душе по-матерински внемлет.
И я ей нужен. И она нужна.

Но как она ни согревала б старость,
И как бы ни был благодарен ей,
Мне больно: что с Россией моей
сталось.

Где есть могила матери моей,
Где я родился в горном Дагестане,
Где я влюбился в жизни в первый раз...
С деньгами был и без гроша в кармане.
Отчизна мне - Россия и Кавказ.

...А в иудейской набожной стране
Друзья сказали как-то мне:

- Зачем не ходишь ты на стену плача?
- Да, не хожу. И не могу иначе.

Я столько плакал, столько видел слез,
Что горем я уже насквозь промерз.
Мне радостью чуть-чуть бы отогреться,
Не плачем, а улыбкой сдобрить сердце.

На пуриме веселом без затей,
Когда резвятся все, как-будто дети,
Я слышал, как сказал один еврей:
"Так слава Богу, что живем на свете.

И рады вовсе не тому, что выжили,
Что беды нас крутили да не выжали,
А потому мы живы в самом деле,
Что радоваться жизни мы умели.
И как бы беды нас не колошматили,
Мы радость жизни в горе не утратили."

Так будем радоваться: жизнь длится,
И есть в Израиле чему учиться,
Чему учиться и чему дивиться.

В Израиле другие жизни меры...
С приезжими, считай, идет игра:
В почете здесь живут пенсионеры.
А улицы метут профессора.

Коль ты ученый, должен на иврите
Свою науку ты преподнести,
А если нет - тогда, мол, извините -
Извольте, скажем, улицы мести.

При этом нечего вам прятать взор:
В Израиле любой труд - не позор.

Приехавшим экзамен предстоит:
Хоть ты - ученый, хоть шофер. хоть
медик...

Сначала должен изучить иврит
Во избежанье всяческих комедий.

Но если ты откинешь свою спесь,
Проявишь ум, усердие и навык,
То я скажу, читатель между нами,
Ты можешь многого добиться здесь:
И быть со своим делом, и с деньгами.

...Оглядываю жизнь свою опять:
Так ли, не так прожил - другой не будет
Ведь реки не текут, читатель, вспять,
И дважды не дано родиться людям.
Зачем пишу - душой к тебе спешу?
Одним дышу - быть понятым тобою.

Лишь одного, читатель, я прошу:
Склониться над моей судьбою.

Я много мог. Не много совершил.
Творил добро я и порой грешил.
Боролся я по мере слабых сил.
У многих я участия просил...

И вот теперь когда стихи пишу,
Я у тебя участия прошу.
Но боль твою и сам готов принять...
Спасение: друг друга понимать.

Март 1997 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья Аллы Айзеншарф	2
От автора	5
Тебе	13
И едут обратно к своим палачам	16
Писать стихи я начал с той поры...	17
Зачем живу...	18
К судьбе	19
Цветы	20
Секунда	21
Кусочки солнца	22
Долг	23
Сергею Есенину	25
Дочь матери пишет	28
Вот сонеты о вечной...	34
Подстрекатель	37
Сестре	39

В день похорон	41
Памяти друга	45
Встреча	47
Ты встанешь цветком...	49
Бессметрие	51
Время памяти	53
Мне кажется день чернее чернил	56
Двое	57
Мне в маленьком городе...	58
Один торгаш спросил...	59
Когда отец твой был...	60
Взобрался ты на пик карьеры	61
Шестнадцать раз подряд...	62
В России и после	64
В Иерусалиме	65
Жертва обычая	66
Осенний романс	68
Да, я отстал от сверстников...	71
Два желания	72
Раздумье	74
Родной язык	76

Мне в награду или в наказание	79
Ты знаешь, я не стар еще годами	81
К матери	82
Герцену	88
Деньги	89
Четверостишия	90
Обращение к президенту России	99
"Крик души" (поэма)	
Сорок лет они за мной следили (поэма)	132

Цена договорная